

УДК 944.044

Самсаров А.И., магистрант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ (1793-1794 гг.)

В статье рассматривается экономическая политика революционного правительства в период со второй половины 1793г. до апреля 1794г. Показаны основные мероприятия Комитета общественного спасения, направленные на регламентацию хозяйственной жизни Республики. Экономическая централизация базировалась на концепции управляемой экономики. В последней отчетливо выделяются два этапа: сентябрь-декабрь 1793г. и январь-апрель 1794г. Характерными чертами первого этапа является постепенное подчинение данной сферы путем принятия декретов о максимуме (11 и 29 сентября) и создание Центральной продовольственной комиссии (22 октября), завершившей полное подчинение экономики. Второму этапу отмечены некоторыми послаблениями в области внешней и внутренней торговли. Основным законом здесь являлся третий максимум (21 февраля 1794г.) На конкретных примерах показано действия политики властей в двух наиболее значимых областях: сельском хозяйстве и промышленности.

Ключевые слова: максимум, управляемая экономика, Комитет общественного спасения, оружейная мануфактура, Барер, реквизиции, эмбарго.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-188-195

Великая Французская революция 1789-1799гг. оказала стремительное влияние на экономику страны. Реформы Учредительного собрания упразднили внутренние таможи, привилегии, цехи и корпорации, тем самым способствуя свободе торговли. Наряду с изменениями в политической сфере это способствовало становлению новой Франции, ее движению по магистральному пути. Однако последующие изменения, в ходе нарастания революционных событий, привели к тому, что в торгово-промышленной сфере наметился значительный спад и регресс. Особенно большое влияние оказал период якобинской диктатуры. Проводимая в то время политика жесткой регламентации торговли и террора нанесла сильнейший удар по негоциантам, лавочникам и прочим представителям торговых кругов. Эти действия трактуются неоднозначно. Во времена «якобиноцентризма» [1,2, с 312,158]. Советская историография оправдывала эти действия сложным положением Республики, охваченной внешней и гражданской войнами. В наши дни, когда произошло идеологическое развенчание революции, на это стали смотреть по-другому. Последствия этой политики представляются скорее как антирыночные меры, направленные на отказ от основного пути развития этого всемирного исторического события.

Предпосылки управляемой экономики стали возникать еще в первой половине 1793г. Изначально взгляды якобинцев из

окружения Робеспьера на собственность носили эгалитарный характер. Очевидно, речь шла только об уравнительном эгалитаризме, целью которого было сглаживание общественного неравенства, не отменяя частной собственности. Якобинцы видели опору общества, прежде всего в ремесленниках и лавочниках. Будущие законы должны были защищать последних, от произвола крупных собственников, наживших приличные капиталы на спекуляциях и войне. Этот вопрос активно стал рассматриваться при разработке новой конституции. 24 апреля Робеспьер представил Конвенту свой вариант Декларации прав человека и гражданина, на основании которой впоследствии будет создан основной закон государства. Уже тогда задумываясь о своем добродетельном обществе, докладчик сопоставил собственность с одним из принципов морали. Это право должно было быть «ограничено обязанностью уважать права других». Всякая торговля, нарушающая это, признавалась «безнравственной» [18, с 321] Граждане должны были пользоваться только той долей имущества, которая гарантирована им законом. Отсюда-право государства на регламентацию в пользу неимущих: издавать законы против скупщиков, принимать меры по обеспечению продовольствием. Однако в окончательном варианте декларации право собственности было представлено как «возможность пользоваться и располагать своим имуществом по усмотрению» [7, с 217]. Сопоставив эти два варианта,

не трудно заметить, что в последнем случае, речь уже не идет о каких либо ограничениях. Таким образом, принятая 24 июня конституция гарантировала право частной собственности. Очевидно, этот ход можно считать одним из маневров, направленных на то, чтобы успокоить провинциальные предпринимательские круги и перехватить инициативу у поднявших мятеж федералистов. Одной из предпосылок будущей регламентации, конечно же, является сложная внутренняя и внешняя обстановка в Республике в первые месяцы якобинской диктатуры. К июлю 1793г. ассигнаты упали до 23% своей номинальной стоимости и продолжали обесцениваться. Разразившаяся гражданская война и наступление войск коалиции привели к потере части урожая, его не успевали убрать или он подвергался уничтожению в ходе боевых действий. Все это спровоцировало голод и повышение цен на продовольствие.

4 мая 1793 г. Конвент декретировал принятие максимума цен на зерно. Согласно декрету все земледельцы и торговцы зерном должны были сообщать об имеющихся у них запасах зерна и муки. Продажа разрешалась только на общественных рынках. Максимум цен устанавливался исходя из средней цены по стране с 1 января по 1 мая текущего года. Контроль за этим вели местные власти. В качестве наказания предусматривались штрафы и в особых случаях смертная казнь [8, с. 94-96]. Однако этот максимум оказался малоэффективным, из-за разногласий и противодействия местных властей. В частности об этом сообщает комиссар Филиппо 17 июля 1793г. из департаментов Центра и Запада. Он пишет Конвенту: «Закон, который должен был оказаться благодетельным, оказался пагубным вследствие разногласий местных властей насчет способа его выполнения» [6, с.221]. Далее 26 июля Конвент принял декрет по борьбе со скупкой. Впервые вводилось понятие товары первой необходимости: хлеб, мясо, вино, зерно, мука, овощи, фрукты, табак и т.д. Специально уполномоченные комиссары могли проверять декларации коммерсантов. В случае обнаружения излишков и неучтенных товаров им грозила смертная казнь [8, с.118-120]. 19 и 20 августа были приняты декреты, усиливающие майский максимум. Отныне власти департаментов

устанавливали твердые цены на топливо (дрова, уголь, торф) и на овес [15, с. 233]. Все это можно считать своеобразным компромиссом между властью и возмущенным народом, требовавшим таксации.

Но по-настоящему централизация экономики наступила после движения 4-5 сентября, когда начало усиливаться правительство. Именно поэтому депутаты 4 сентября начинают обсуждение законопроектов прерванных в конце августа. Главную роль сыграл Лекуантр из Версаля. Именно его доклад послужил основой декрета. Лекуантр предложил принцип: «Все предметы первой необходимости, производимые на Французской территории, образуют общественную собственность»; каждый член общества имеет на нее право в силу своего труда». Декрет был принят 11 сентября. Этот документ открыл первый этап управляемой экономики, для которого было характерно максимальное вмешательство Комитета общественного спасения в хозяйственную жизнь страны. Первый максимум продолжил идеи майского декрета жирондистов, но был более строгим. Усиливался контроль и учет зерна. Все землевладельцы должны были немедленно сообщать о своих запасах в муниципалитеты (Раздел 1. Ст. 1и 2) [26, р. 691]. Лица, не подавшие заявки, подвергались обыску и конфискации всего зерна и муки (Ст.4 и 5). Муниципальные власти, должны были, регулярно сноситься с властями дистриктов и департаментов. В случае бездействия или попустительства власти всех уровней подвергались штрафам (Ст.6,7, 8, 9). Последние удваивались за торговлю зерном и мукой вне рынков, причем их платил и продавец и покупатель (Раздел 2.Ст.2). Вводился надзор за мельниками, отныне они передавались под надзор министерства внутренних дел (Ст.16). Им запрещалось торговать зерном и мукой под угрозой шести лет каторги (Ст.14). Наконец на всей территории республики вводились единые цены на зерно и муку в 14 и 20 ливров соответственно (Раздел 3.Ст.1 и 2). Также таксации подвергался фураж, в зависимости от качества его цена была от 3 до 6 ливров (Ст.10, 11и 12) [26, р. 692-696].

Таким образом, новый максимум впервые установил единые цены на зерновом рынке и законодательно закрепил монополию правительства в этой сфере. Твердые

цены и реквизиции привели к тому, что собственники стали придерживать зерно и уклоняться от принудительной продажи. Крупные города стали испытывать нехватку продовольствия. Комиссары Делакруа, Лежандр и Люше в письме Комитету общественного спасения от 12 сентября сообщают о положении в Руане (Нижняя Сена): «Повсюду рынки опустели, всюду народ требует хлеба и начинает громко роптать» [6, с. 256]. Однако, не смотря на столь неблагоприятные последствия, санкюлоты Парижа требовали еще большего – максимума на все товары первой необходимости. В этом их заверили 4 сентября. Тогда же для разработки законопроекта была сформирована комиссия в составе: Же д Сент-Фуа, Купе (из Уазы), Буше Сен-Совера, Шабо, Дантона и Мерлино. Поэтому эту комиссию вскоре окрестили комиссией шести. Впоследствии были включены известный нам Лекуантр и еще двое членов. Разгорелись бурные прения. Основным докладчиком был Купе. После вмешательства 22 сентября депутации 48 секций Парижа документ принимается 29-го [15, с. 277]. Что нового предлагал второй (всеобщий) максимум? Все товары первой необходимости (по декрету о скупке от 26 июля) подлежали таксации (Ст.1). В отличие от первого максимума здесь не предусматривались единые цены на все товары в масштабе страны. Общереспубликанскими были только цены на зерно, муку, табак, соль, мыло и фураж (Ст.2). Таксы на остальные товары устанавливали администрации департаментов (Ст.4), таким образом, они могли в среднем отличаться от республиканских. За основу были взяты цены 1790г. с надбавкой в 30% (Ст.3). Лица, уличенные в продаже товаров выше максимума, штрафовались и объявлялись подозрительными (Ст.7). Контролю так же подвергалась заработная плата в размере ставок 1790г. плюс надбавка в 50% (Ст.8) [27, р. 310-311].

Такой вариант максимума вызвал критику со стороны некоторых якобинцев. Народный представитель Альбитт уже 26 октября отразил свой крайний взгляд о декрете в письме Комитету общественного спасения. Будучи в Лионе он отмечает: «Повсюду пустые рынки и закрытые лавки... Вы с трудом получите скромный обед в гостиницах, и яйцо почти также трудно найти, как и быка»

[6, с. 291]. Комиссар не ограничивается впечатлениями от увиденного, но и анализирует недостатки закона, среди которых им отмечены слишком большой перечень предметов подвергнутых таксации, отсутствие единой общереспубликанской цены и т.п. Подводя итог, Альбитт отмечает, что без изменений подобный документ «повлечет за собою гибельные последствия». Другой депутат Ж.Б. Арман сообщает Конвенту (23 ноября) из Ангулема о двойном повышении цен после таксации. Однако Комитет общественного спасения продолжил взятый ранее курс на полное подчинение экономики Республики. Первым шагом стал декрет 10 октября, который официально разрешил правительству вмешиваться в экономику. Право на реквизиции вначале было у Исполнительного совета, а именно у министра внутренних дел. Чтобы окончательно закрепить свое господство Комитет решает создать специальный уполномоченный орган. Эта идея была сформулирована еще 5 августа, Леонардом Бурдоном, предложившим проект государственных зернохранилищ. Он предлагал создать Центральную продовольственную администрацию, но его предложение было отклонено. 22 октября Конвент декретировал создание Центральной продовольственной комиссии, которая очень скоро превратится в главный инструмент регламентации хозяйственной жизни страны. Согласно декрету она состояла из трех членов: Рессона, Брюне и Гужона. Список ее задач был весьма широк: приведение исполнения законов о максимуме (ст.9), учет урожая в департаментах (ст.5), проведение реквизиций в сельском хозяйстве и промышленности (ст.6). Для осуществления этих обязанностей Центральная продовольственная комиссия получила право принуждения (ст.8) и могла затребовать вооруженную силу (ст.13) [14, с. 193-194]. В ноябре Комиссия стала полностью контролировать внешнюю торговлю. За границу были отправлены специальные агенты для заключения сделок. В декабре произошла реквизиция всей иностранной валюты [22, с. 222].

Таким образом, вся хозяйственная жизнь Республики оказалась под контролем Комитета общественного спасения. На этом завершился первый этап управляемой экономики. Сложности исполнения максимума, а

так же «черный рынок» и дефицит товаров заставили правительство задуматься о некотором пересмотре стратегии. Решено было сделать послабление в пользу собственников. Предпосылкой второго этапа стала речь Барера в Конвенте 1 ноября 1793г. Оратор обвинил департаменты в нападках на максимум: «Мы видим, как департамент, отстаивающий принцип, использующийся в мирное время, считает гибельным закон» [28, р. 143-150]. Введение таксации, по его мнению, является барьером «против спекуляций и жадности торговцев». В завершении докладчик предложил Продовольственной комиссии унифицировать цены по всей Республике и составить таблицы на все виды товаров. Эта титаническая работа была завершена принятием декрета 21-22 февраля (3-4 вантоза) 1794 г., известного как третий максимум. Оптовые и розничные торговцы получили надбавки к прибыли в 5% и 10% соответственно (ст. 5). Были приняты транспортные цены: 4 су с денье за почтовую милю по шоссе и 5 су по просёлочной (ст. 6-7) [10, с. 355-356]. Начинается оживление внешней торговли. 11 марта 1794г. снимается эмбарго с товаров находящихся в портах с августа 1793г. Через два дня новый декрет разрешает купцам крупных приморских портов вывозить предметы роскоши. Вместо агентов Комиссии появляются представители коммерческих агентств [12, с. 154]. 1 апреля с подачи парламентария Удо Конвент принял декрет, отменяющий комиссаров по борьбе со скупкой. Они заменялись на добровольных членов секций и коммун, которые исполняли свои обязанности один раз в декаду. Документ разрешил розничным торговцам не декларировать товары. Произошло изменение системы наказания, гильотина грозила только отъявленным скупщикам [20, с. 440]. Вслед за торговлей последовали решения относительно промышленности. После выступления Сен-Жюста от имени комитетов, 16 апреля Конвент принимает декрет, гарантировавший финансовую поддержку мануфактурам и фабрикам (ст.24) [19, с. 170].

Теперь более конкретно о мерах правительства в области сельского хозяйства и промышленности. Основным мероприятием в деревне было создание 9 августа национальных зернохранилищ. Последние управлялись

администрациями дистриктов. Гражданам предлагалось не только продавать излишки зерна, но и вносить часть налогов натурой (ст. 3) [14, с. 186]. Впоследствии, в условиях разрухи, основным способ их наполнения стали реквизиции. До 16 апреля 1794г. реквизиции производились местными властями, Центральной продкомиссией и армией, а с 16 только комиссией. Первым декретом от 15 августа 1793 г. эмиссары Конвента могли изымать у фермеров и землевладельцев 4 квинтала хлеба с «плуга». У крестьян оставляли только на посев и пропитание - так называемый семейный запас. 15 ноября (25 брюмера) был отменён и он. Специальный декрет Конвента сделал «общественной собственностью все запасы республики» [15, с. 348-353]. Логическим продолжением стал декрет об учете и общей реквизиции зерна по всей республике (26 июня 1794г.). Согласно декрету, каждый крестьянин декларировал свой урожай в специальной книге (они были в каждой коммуне) и в дальнейшем государство распоряжалось всем урожаем по усмотрению.

Одним из способов борьбы с дефицитом продуктов при монтаньярах была карточная система. Ещё 10 августа 1793 г. в Париже ввели первые карточки на хлеб. Затем в течение осени 1793 и весны 1794 гг. были введены карточки на мыло, яйца, мясо, сахар и соль. Новая система улучшила распределение, но не могла изменить снабжение. Со временем их стали вводить в других департаментах. Реквизиции и максимум значительно ослабили аграрный сектор, вызывая голод и недовольство. Секретный агент Жюльен в письме от 13 апреля 1794г. из Бордо сообщает Комитету: «Я видел деревни, где был лишь чёрный хлеб из бобовой или пырейной муки, каждому доставалось не более четвертинки, а вскоре их поддерживали лишь корешки и полевые травы» [3, с. 215-225].

В промышленности ситуация складывалась не лучшим образом. Государство покровительствовало, в основном военным, производствам и связанным с ними заводам (кожевенным, металлургическим). Остальные отрасли были либо разрушены, либо вели жалкое существование, подвергаясь реквизициям и испытывая нехватку сырья. Национализация становится одним из мето-

дов контроля над предприятиями. Государственные мануфактуры можно разделить на три группы. К первой, относятся казенные мануфактуры, существовавшие еще со времен «старого режима»: мануфактура Гобеленов, Севрская фарфоровая, мануфактура Бове и т.д. В основном они занимались производством предметов роскоши. Это были небольшие мануфактуры с числом рабочих 100-200 ч. Они продолжали функционировать и при монтаньярах. С 24 мая 1794г. ими заведовал специальный орган Комиссия агрикультуры и искусства [23, с. 621]. В отсутствии спроса на их продукцию рабочим приходилось приспособляться к новым условиям. Следствием этого была постоянная ротация персонала. В частности штат мануфактуры Бове сократился с 130 до 50 ч.

Ко второй группе относились специально созданные мануфактуры. Так, декретом 23 августа Комитет общественного спасения постановил создать в Париже оружейную фабрику годовой мощностью 360 тыс. ружей (т.е. 1тыс. в день) [25, р. 678]. 7 октября создается Версальская оружейная мастерская. О работе крупнейшей в мире Парижской оружейной мануфактуры 3 ноября докладывал Карно. Депутат с восторгом отмечал величие и масштаб затеянного. На производстве задействовано 6 тыс. рабочих. В Париже под открытым небом расположились 250 кузниц. 10 барж со сверлильным оборудованием были размещены на Сене. Оратор отметил энтузиазм санкюлотов и усилие ученых. Им были продемонстрированы первые шесть ружей [28, р. 207- 220]. Однако, темпы производства не достигли проектных 1000 ружей в день. 1 февраля 1794 г было принято решение об объединении оружейных мастерских Парижа и Версаля [16, с. 504]. В вантозе мануфактура изготовила 8100 ружей (270 за день), в мессидоре было собрано 10483 ружья (349), в термидоре 13110 (437) и во фрюктидоре 18606 (620) [12, с. 161]. Самым крупным в стране был Гренельский пороховой завод. На нем работало 2500 рабочих, а ежедневная выработка составляла 35 тыс. фунтов пороха [21, с. 220]. 4 июня 1794г. в Аннеси (Мон-Блан) была учреждена национальная сталелитейная мануфактура [24, с. 312]. Добавим, что вся военная промышленность находилась под управлением Комиссии

по производству оружия и пороха, то есть под контролем Комитета. Во флореале 1794г. эта Комиссия превратилась в настоящее министерство вооружения со штатом из 60 сотрудников [4, с. 28-65].

К третьей группе относились частные предприятия, подвергнутые национализации. Первое официальное предложение об этом произошло 14 октября 1793 г. на заседании Коммуны Парижа. Его озвучил Шометт. Он просил Конвент: «реквизировать фабрики и передать их Республике...» [9, с. 293]. Но Комитет общественного спасения шел на это не охотно. Были национализированы металлургические заводы в департаментах Шер, Алье, Ньевр, Верхняя Сона, Кот д'Ор и Верхняя Марна, пошивочные мастерские Монтобана и др. В этом случае отход от частной собственности был скорее крайней мерой, необходимой для удовлетворения потребностей армии.

Частные предприятия работали в условиях реквизиций и таксации. Еще 1 ноября Конвент декретировал считать подозрительными всех хозяев закрывших свои мастерские [13, с. 212]. Упомянутая выше кожевенная отрасль находилась фактически под контролем Комитета общественного спасения. Декрет от 1 марта 1794г. объявлял в состоянии реквизиции все сапожные мастерские и обязывал последние каждую декаду сдавать две пары сапог для солдат [24, с. 409]. Существенно шагнуло вперед чугунолитейное дело: число заводов возросло с 4 (1792г.) до 30 (1795г.), а производство орудий с 900 до 13 тыс. Плавка чугуна в это же время составила 26 тыс. т. [5, с. 582]. В результате отсутствия сырья и непродуманной политики властей, были разорены шелковая, стекольная и хлопчатобумажная отрасли.

Таким образом, политика революционного правительства привела к значительному отставанию французской экономики не только по отношению к 1789г., но и по отношению к главному конкуренту - Англии. До революции внешняя торговля Франции занимала второе место в мире. Ее оборот составлял 750 млн. ливров. А в 1797г. экспорт снизился до 50% от 1789г. Торговый флот сохранил только 10% своей численности [22, с. 216-224]. В 1800г. уровень промышленности составил 60% от уровня 1789г. Произошло

значительное отставание в области паровой энергетики. До революции только одна угольная компания Анзен имела 12 паровых машин, а в 1815 по всей Франции работало 15 машин. Для сравнения Англия в 1800г. располагала 320 паровыми двигателями мощностью 5200л.с.[11, с. 252]. Это отставание сильно замедлило наступление промышленного переворота и индустриализации во Франции. Даже в середине XIX в. она значительно отставала от Англии. В 1847-1850гг. на «туманном Альбионе» было выплавлено 5 млн. т чугуна и мощность паровых машин достигла 500 тыс. л. с., а во Франции 600 тыс. т и 67 тыс. л. с. соответственно[17, с. 255].

Якобинцы оказались неспособны улучшить коренным образом положение экономики Франции. Их политика была непоследовательна и крайне обострила продовольственное положение. Недооценка и нежелание идти на встречу рабочим, привели к недовольству последних. Экономическая жизнь почти замерла. 9 термидора должно было положить конец этой системе. Однако управляемая экономика, будучи по сути антиреволюционной, продолжала с небольшими изменениями действовать и после падения революционного правительства. Только 29 декабря 1794г. Конвент издал декрет об отмене максимума [8, с. 144].

Список литературы

1. Адо А.В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о Французской революции (Памяти В.М. Далина), М., 1998.
2. Блуменау С.Ф. Советская историография Французской революции // Вопросы истории, 2011, №12.
3. Бовыкин Д.Ю. Доклад Комитету общественного спасения (Миссия М.А. Жюльена в Бордо) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2002, Вып. 2.
4. Булуазо М. Комитет общественного спасения // Французский ежегодник 1966. М., 1967.
5. Волгин В.П. Тарле Е.В. Французская буржуазная революция 1789-1794. М-Л., 1941.
6. Дживелегов А.К. Французская революция в провинции и на фронте (донесения комиссаров Конвента). М-Л., 1924.
7. Документы истории Великой Французской революции. Т. I. М., 1990.
8. Документы истории Великой Французской революции. Т. II. М., 1992.
9. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т VI. М., 1983.
10. Захер Я.М. Французская революция в документах 1789-1794. Л., 1926.
11. Кашникова Т.В. Костенко Е.П. Экономическая история. Ростов-на-Дону, 2010.
12. Киселева Е.В. Политика якобинской диктатуры в области регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 г. // Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология. М., 1988.
13. Лотте С.А. Великая Французская революция. М-Л., 1933.
14. Лукин Н.М. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента. М., 1927.
15. Матьез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М-Л., 1928.
16. Палтусова И.Н. Николая - Ноэль Бутэ - оружейник императора. М., 2013.
17. Ревякин А.В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX в // Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология. М., 1988.
18. Робеспьер М. Избранные произведения. Т II. М., 1965.
19. Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. М., 1995.
20. Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966.
21. Старосельская-Никитина О. Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции 1789-1794. М-Л., 1946.
22. Страгис Ю.П. История экономики. М., 2007.
23. Тарле Е.В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789-1799) // Собр. Соч. Т.I. М., 1957.
24. Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции // Собр. Соч. Т.II. М., 1957.
25. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 72.

26. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 73.
27. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 75.
28. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 78.

THE ECONOMIC POLICY OF THE REVOLUTIONARY GOVERNMENT OF FRANCE (1793-1794)

The article examines the economic policy of the revolutionary government in the period from the second half of 1793 to 1794. Shown are the main activities of the Committee of Public Salvation aimed at regulating the economic life the Republic. Economic centralization was based on the concept of a managed economy. In the latter two stages are clearly distinguished: September-December 1793 and 1793 January-April 1794. Characteristic features of the first stage is the gradual subordination of the given sphere through the adoption of decrees on the maximum (September 11 and 29) and the creation of a central food commission on (October 22), which completed the complete subordination of the economy. The second stage is marked by some indulgences in the field of foreign and domestic trade. The main law here was the third maximum on (February 21 1794). Specific examples show the actions of the authorities in the two most important areas: agriculture and industry.

Keywords: maximum, managed economy, Committee of Public Salvation, weapon manufactory, Barer, requisition, embargo.

References

1. Ado A.V. (1998). Francuzskaya revoliuciya v sovetskoj istoriografii. Istoricheskie atudy o Francuzskoj revoliucii (Pamyati V.M. Dalina). Moskva.
2. Blumenau S.F. (2011). Sovetskaya istoriografiya Francuzskoj revoliucii, Voprosy istorii, 12.
3. Bovykin D. U. (2002). Doklad Komitetu obshestvennogo spaseniya (Missiya M.A. Julena v Bordo), Evropa. Mezhdunarodnyj almanah. Tumenq, 2
4. Buluazo M. (1967). Komitet obshestvennogo spaseniya. Francuzskij ezhegodnik 1966. Moskva.
5. Volgin V.P. Tarle E.V. (1941). Francuzskaya burzhuaznaya revoliuciya 1789-1794. Moskva-Leningrad.
6. Dzhyvilegov A.K. (1924). Francuzskaya revoliuciya v provincii i na fronte (doneseniya komissarov Konventa). Moskva-Leningrad.
7. Dokumenty istorii Velikoj Francuzskoj revoliucii. T. I. 1990. Moskva.
8. Dokumenty istorii Velikoj Francuzskoj revoliucii. T II. 1992. Moskva.
9. Zhores Zh. (1983). Socyalisticheskaya istoriya Francuzskoj revoliucii. T VI. Moskva.
10. Zaher Ya.M. (1926). Francuzskaya revoliuciya v dokumentah 1789-1794. Leningrad.
11. Kashnikova T.V. Kostenko E.P. (2010). Ekonomicheskaya istoriya. Rostov-na-Donu.
12. Kiseleva E.V. (1988). Politika yakobinskoj diktatury v oblasti reglamentacii trgovli i promyshlennosti vesnoj-letom 1794. Francuzskaya revoliuciya XVIII: ekonomika, politika, ideologiya. Moskva.
13. Lotte S.A. (1933). Velikaya Francuzskaya revoliuciya. Moskva-Leningrad.
14. Lukin N.M. (1927). Revolyucionnoe pravitelstvo vo Francii v epohu Konventa. Moskva.
15. Matqez A. (1928). Borqba s dorogoviznoj i socialnoe dvizhenie v epohu terrora. Moskva-Leningrad.
16. Paltusova I.N. (2013). Nikolya-Noelq-Bute-oruzheinik imperatora. Moskva.
17. Revyakin A.V. (1988). Revoliuciya i ekonomicheskoe razvitie Francii v pervoj polovine XIX. Francuzskaya revoliuciya XVIII: ekonomika, politika, ideologiya. Moskva.
18. Robespqer M. (1965). Izbrannye proizvedeniya. T II. Moskva.
19. Sen-Zhust L.A. (1995). Rechi. Traktaty. Moskva.
20. Sobulq A. (1966). Parizhskie sankuloty vo vremya yakobinskoj diktatury. Moskva.
21. Staroselqskaya-Nikitina O. (1946). Ocherki po istorii nauki I tehniky perioda francuzskoj burzhuaznoj revoliucii 1789-1794. Moskva-Leningrad.
22. Stragis U.P. (2007). Istoriya ekonomiki. Moskva.
23. Tarle E.V. (1957). Rabochie nacionalqnyh manufaktur vo Francii v epohu revoliucii (1789-1799). Sbranie sochinenij. T. I. Moskva.

24. Tarle E.V. (1957). Rabochij klass vo Francii v epohu revolucii. Sobranie sochinenij. T II. Moskva.
25. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 72.
26. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 73.
27. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 75.
28. Archives parlementaires de 1787 à 1860: Première série: 1787-1799. T.1-89. P., 1867-1971. T 78.

Об авторе

Самсаров Александр Ивайлович – магистрант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

Samsarov Aleksandr Ivajlovich – master of the Department of World History, international Relations and International Law Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com